

Иллюстрация: Майкл Скарн

10.07.2024, 17:27

ДОКУМЕНТЫ

«Анатомия распада». Книга от Команды против пыток, которая поможет ответить на вопрос: в какой России я живу?

«Анатомия распада» — книга от Команды против пыток, которая поможет ответить на вопрос: в какой России я живу? Книга о том, как права человека перестали быть ценностью в постсоветской России и почему это произошло. Команда против пыток поговорила с правозащитниками и юристами, полицейскими и судьями, пытателями и пострадавшими от пыток — чтобы вместе попытаться понять, как Россия оказалась в этой точке.

Книга «Анатомия распада» доступна для скачивания бесплатно на сайте «Команды против пыток» по [ссылке](#). Вы также можете оформить предзаказ на бумажную версию книги на сайте «Эхо Книги» по этой [ссылке](#).

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

ПРИНЦИП ШИРОКО ЗАКРЫТЫХ ГЛАЗ

В рамках системы большинство правоохранителей точно понимают, когда они нарушают закон, но относятся к этому как к издержкам профессии. «А иначе никак», — вот самый частый ответ правоприменителей на вопрос о том, как и почему они систематически нарушают различные предписания. Подчас правоохранители нарушают закон не сознательно, а на автоматизме, забывая о том, что некоторые действия незаконны. Настолько они стали привычными и нормализованными.

Правоохранителям свойственна высокая толерантность не только к собственным нарушениям, но и к нарушениям коллег, с которыми у них нет отношений подчинения. Не всегда это связано с открытым попустительством. Чаще такое поведение даже не рефлексится как что-то ненормальное.

Многие из нынешних и бывших сотрудников правоохранительных органов, с которыми нам удалось поговорить, хладнокровно и буднично рассказывают, какие нарушения происходят за пределами и внутри их кабинетов.

В какой-то момент слушатель начинает верить, что так и должно быть. При этом не имеет значения, какой период описывают информанты: высокая терпимость и нормализация незаконного сохранялись всё постсоветское время. Не замечать неладное — это часть корпоративной культуры.

Ну бывает, да, знаете, когда времени совсем нет, замотался или чего — ты вот читаешь протокол и понимаешь, что забыли мы что-то важное спросить. Ну и чего, не пойдёшь же ты заново по повестке вызывать [...]. Набираешь по телефону, спрашиваешь. Потом просто в протокол это вносится и всё. Просто подписать заново дашь при следующей встрече, это не проблема.

Из интервью со следователем

А применяли [коллеги пытки в отделе, где я работал], да, конечно. [Например], лишение сна. Вот дежурный сидит, поймали какого-то воришку. Он его пристегнёт наручниками к батарее и при этом выполняет свою работу, бумажки заполняет, пишет чего-то. А тот сидит-сидит. И этот ему [...] спать не даёт. «Начальник, отпусти меня в камеру поспать». — «Нет, мы с тобой ещё не договорили». — «Так ты ж вопрос не задаёшь». — «А я и не буду. Как решишь рассказать, так и расскажешь».

Из интервью с бывшим оперуполномоченным

И в судебной, и в правоохранительной системе все прекрасно знают, кто чем занят, у кого что происходит. *В замкнутой организационно и территориально структуре очень сложно скрыться друг от друга.* Кто берёт взятки, кто ночует на работе, кто регулярно подтасовывает документы, кто относится к своей работе халатно — всё это хорошо понятно коллегам. Особенно тяжело скрываются нарушения, которые оставляют после себя

явные следы. Но даже они не вызывают у коллег смущения. Противодействовать им сложно, иначе придётся открыто признаться себе, что ты часть системы, которая не умеет работать иначе. Ты тоже не умеешь иначе.

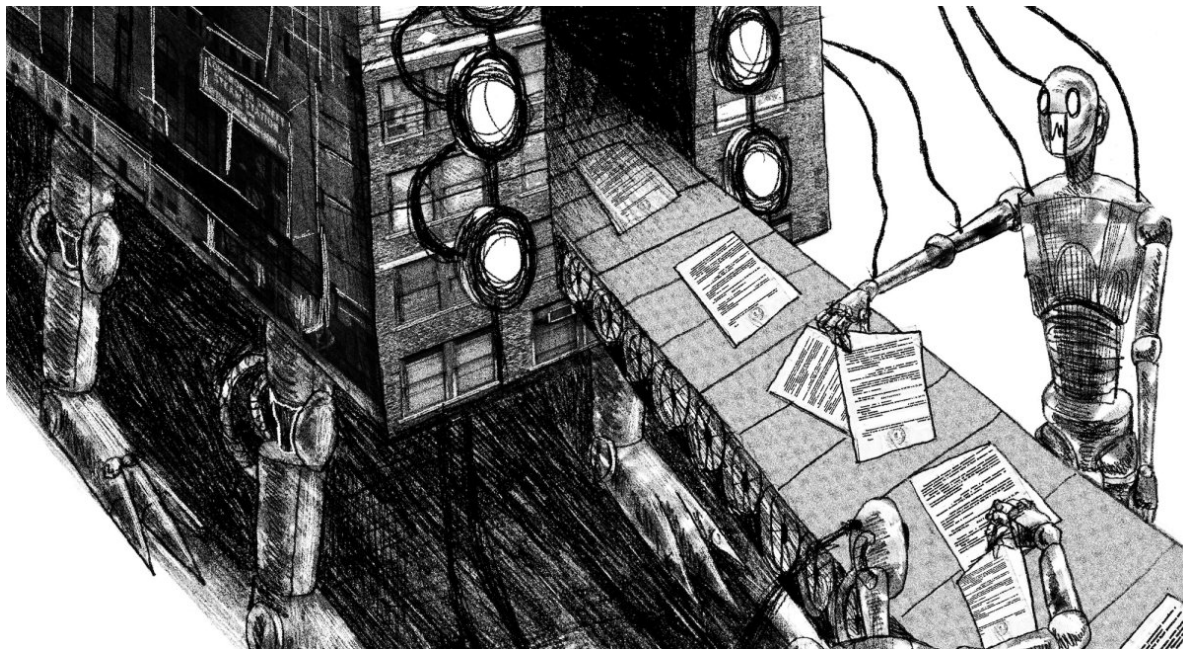

Иллюстрация: Майкл Скарн

Самый крайний пример такого рода — пытки. Одни коллеги сознательно не замечают эпизоды пыток, даже если их применяют прямо у них под носом, а другие и не стремятся скрывать. Значительная доля пыточных дел в России квалифицируется как халатность (статья 293 УК). Их фигурантами становятся те, кто видел насилие и не попытался его пресечь. В наших делах есть масса примеров, когда сослуживцы заходят на место преступления, заглядывая в кабинет к коллегам, чтобы поздороваться, задать вопрос или просто поболтать, видят происходящее и проходят мимо.

Из показаний свидетеля по делу Алексея Якимова

(с сохранением изначальной орфографии и пунктуации и пометками авторов в квадратных скобках)

В здании РУВД нас [свидетеля и Якимова] провели мимо дежурной части, и провели в кабинеты на 3 этаже. Меня завели в кабинет № 324, а Якимова в кабинет № 323, со мной в кабинете был [сотрудник по имени] Олег, а с Якимовым [сотрудник по имени] Анатолий. Олег стал на меня кричать, оскорблять меня. Через некоторое время он успокоился, «пробил» меня по базе, после чего сказал, что я могу идти. Ко мне Олег физической силы не применял, не бил меня, каких-либо претензий к нему не имею. Я вышел в коридор, Олег попросил меня постоять немного, а сам зашел в кабинет № 323, где был Якимов и Анатолий. Из кабинета я услышал крики, кто-то кричал «Руки в гору, ноги шире», после чего я услышал звуки, напоминающие удары по телу человека. После этого я услышал Якимова, он стал спрашивать, за что его бьют. Потом в коридор вышел Олег и сказал мне, что я могу идти, я попросил его не бить Якимова, на что он мне ответил, что все будет нормально и еще раз сказал мне, чтобы я уходил.

Из дела Дмитрия Очелкова

(цитата по архиву правозащитников)

Очелков, подвергшийся пыткам, рассказал на допросе следователю о том, что милиционеры выбивали из него показания. Однако вместо принятия надлежащих мер, как рассказывал сам Дмитрий, следователь «просила меня дать показания, что я вставал со стула и бился головой о полку, в результате чего у меня якобы были телесные повреждения. На самом деле я не вставал со стула и не бился головой о полку. Следователь угрожала, что найдет основания для возбуждения против меня уголовных дел. Я испугался, т. к. знал, что милиция может фальсифицировать доказательства». В итоге Очелков действительно сказал, что получил травму головы из-за неудачной попытки встать со стула.

В лучшем случае коллеги правоохранителей не замечают насилия, игнорируя его. В худшем — они присоединяются к насилию. Крайне редко можно встретить дела, когда пытки к потерпевшему применяет кто-то один. Практически всегда это либо коллективное действие, нередко сопровождающееся унижениями и издевательствами, либо действие, совершаемое, когда за стенкой находится кто-то из коллег.

Алексея Якимова сбрасывали в реку двое, приговаривая: «Всплывёшь в Чебоксарах — передай привет чувашам». Ольга Маслова стала жертвой группового изнасилования, её довели до того, что в милицейском туалете она пыталась покончить с собой. На видео пыток Евгения Макарова попали свыше десятка сотрудников колонии: их форменная экипировка заметно отличала их от лежащего перед ними голого потерпевшего. Список подобных кейсов можно продолжать.

Партнёрство, облачённое в погоны, в головах пытателей выгодно отличает подобные акты от бытового насилия.

Ты не один, тебя поддерживают и понимают, это лишь способ борьбы с преступниками, которые явно отличаются от тебя: они

другие. Это намного проще, понятнее и справедливее, чем применять насилие к таким же, как ты сам — на улице, в магазине или в любом другом месте, где подобное действие встретит порицание.

Из дела Алексея Якимова

[...] Примерно до 5 часов утра сотрудники милиции избивали его, практически не останавливаясь. При этом, нанося удары, они говорили, что бьют его за то, что он пришел на их территорию, за то, что он лысый, за то, что он здоровый, за то, что он бандит. Анатолий [один из пытателей] сказал, что у него есть сын, которому 12 лет, и он не хочет, чтобы его сын дышал с Якимовым одним воздухом. Они говорили, что убьют его за свои семьи. Якимов им сказал, что у него тоже есть дочь, просил прекратить избиение и отпустить его домой, но они на это не реагировали.

Целиком книгу можно скачать по [ссылке](#) бесплатно, а оформить предзаказ книги в бумажном виде — [здесь](#).

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ